

фракция Франция

Жан-Пьер Жене снял антиглобалистский шедевр

«Долгая помолвка» — один из самых ожидаемых кинопроектов года в мире и самый ожидаемый во Франции. Обаяние «Аmeli» сделало свое дело: каждый пойдет смотреть на новую совместную работу режиссера Жан-Пьера Жене и актрисы Одри Тоту; небольшую часть аудитории составят те, кому любопытно посмотреть экранизацию последнего романа Себастьяна Жапризо. Ну а в финале мало кто из зрителей удержится от радостного восклицания «Vive la France!».

Одри Тоту: «Звук, который вы слышите в фильме, издает не моя туба: это делал профессионал»

АНТОН ДОЛИН

Если до сих пор французы просто превозносили до небес Жан-Пьера Жене, то теперь в пору на него молиться, а его музыку Одри Тоту провозгласить новой Марианной — национальным символом республики. Нет, в стране есть и другие хорошие режиссеры: но все они стремятся к «внутренней эмиграции» из оккупированной Люком Бессоном Франции. Ян Кунен тяготеет к американской модели кино, интроверт Патрис Шеро — к британской, а вот Жене — француз из французов. Да и сделал он для отчизны поболее, чем любой Бессон: не просто вернул французскому кинематографу доверие национальной публики (и, в отличие от Люка, критики), но и инициировал с «Аmeli» всемирную моду на Францию. К 2004 году переваливший за пятьдесят режиссер прошел несколько важнейших испытаний: самостоятельностью (после полюбовного развода с бывшим соавтором Марком Каро), заказной работой (на «Чужом-4» в Голливуде), бешеной популярностью (связанной с «Аmeli») — и сделал работу вроде бы неожиданную. «Долгая помолвка», во-первых, поставлена не по оригинальному сценарию, а по мотивам романа лучшего французского детективщика Себастьяна Жапризо, во-вторых, спродюсирована крупнейшим американским «мейджором» Warner Brothers, в-третьих, формально является первым реалистическим фильмом фантазера Жене. В придачу к этому «Долгая помолвка» бьет все рекорды в отношении бюджета не только в биографии Жене, но и во всей истории французского кино (более 50 млн. долларов). В общем, вам скажут, что здесь — совсем другой Жене и совсем другая Тоту.

Не верьте. В истории о девушке, упорно разыскивающей пропавшего без вести на полях Первой мировой жениха, Жене верен себе. Фильм упоительно живописен и, несмотря на реальную историческую основу, фантастичен во всем — от привычной еще со времен «Деликатесов» (дебюта Жене) цветовой гаммы, тяготеющей к монохромности, до неправдоподобно изобретательных костюмов и декораций. Особое впечатление производят коротенькие, но умопомрачительно дорогие и сложные сценки с реконструкцией автомобильного движения 1920-х годов на площади у Парижской оперы, или с рынком Les Halles (так называемое «чрево Парижа», давным-давно превращенное в цивилизованный торговый центр). В общем, вселенная Жене остается сказочной и, как любая сказка, требует от зрителя стопроцентного погружения и стопроцентной веры. В этом режиссер схож с заморскими собратьями по ремеслу, Тимом Бертоном и Терри Гиллиамом, однако творит он как-то свободней — на родине его почитают куда больше, чем Гиллиама с Бертоном в Штатах.

Почти не изменилась за три года, прошедшие со времен «Аmeli», и Одри Тоту, шагнувшая из ранга многообещающих молодых актрис (в этом качестве она не так давно получила «Сезар» за «Салон красоты «Венера») в категорию интернациональных супер-

Джоди Фостер сыграла в «Долгой помолвке» парижскую рыночную торговку

звезд. Можно констатировать, что никто не умеет так работать с Тоту, как Жене, — они буквально созданы друг для друга. Кудесник в области искусственных чудес, режиссер играет на Тоту (не самой пластичной из исполнительниц) как на диковинном музыкальном инструменте. Да, тембр не слишком богат, октав не много, зато какой звук! В «Долгой помолвке» героиня Тоту Матильда вновь ждет идеального возлюбленного — жениха, синеглазого моряка Манека по прозвищу Василек, сгинувшего в траншее под загадочным названием «Угрюмый Бинго». Вновь Тоту самостоятельна, суеверна, замкнута, одинока, не слишком красива — даже ходит с трудом и, будучи жертвой полиомииелита, изредка прибегает к инвалидной коляске; вновь она одержима манией изменения мира к лучшему, и вновь ей удастся мир изменить.

Можно предположить, что Жене изменил роман Жапризо, чтобы вернуть на экран свою любимую Амели, — и действительно, в характер Матильды внесено немало изобретательных модификаций. Однако вспомнив о том, что режиссер мечтал об экранизации этой книги еще со времен «Деликатесов» (одержимый Первой мировой, Жене прочитал роман сразу после публикации в 1991-м), приходишь к другой — крамольной — мысли. А что если всеобщая фаворитка «Аmeli» была лишь частью умелой кампании по вызову на свет божий проекта «Долгой помолвки»? Во всяком случае, по факту получилось именно так: Warner владел правами на роман Жапризо, и заключить с ним контракт Жене смог только после «оскаровского» и кассового успеха «Аmeli». Что если выдуманная много лет назад героиня неосуществленного фильма по мотивам Жапризо и стала прототипом Амели?

Продолжая неизбежное сравнение, вспоминаешь: в «Аmeli» вся мощь кинематографической магии была направлена на в общем-то ничтожную цель — банальное буржуазное

матримониальное счастье двух молодых парижан. Вообще-то каждый (втайне или открыто) мечтает о таком, отсюда — ураганная популярность фильма. Участи героев «Долгой помолвки», разлученных и истерзанных войной, вряд ли позавидуешь. Пусть и этот фильм приходит к своеобразному хеппи-энду (не будем раскрывать его из уважения к интриге — формально детективной), однако процесс поисков Матильды, составляющий содержание фильма, значительно важнее результата. И в фильме, и в романе. Выпускник школы иезуитов Жан-Батист Росси, еще не составивший из букв своего имени псевдоним «Себастьян Жапризо», в 18 лет дебютировал отнюдь не детективом, а пронзительной историей любви «Плохо начавшие», и не случайно именно он стал автором хрестоматийного французского перевода «Над пропастью во ржи». В последнем романе, как и в первом (и во всех остальных), Жапризо больше интересуется внутренней жизнью души и характера, чем перипетиями извилистого сюжета. Расследование, которое он ведет в «Долгой помолвке», должно открыть, реконструировать отношения Матильды и Манека, а заодно и еще полтора десятков людей, втнутых в таинственную экзекуцию пятерых солдат в траншее «Угрюмый Бинго». Матильда ведет свое следствие в начале 1920-х, встречая одного человека за другим, открывая историю за историей — Жене повторяет и совершенствует флэш-бэки и флэш-форварды, использованные им же в «Аmeli», а до того Томом Тыквером в «Беги, Лола, беги». Картина открывается впечатляющая: это уже не кукольный парижский мирок, а вся Франция, выстроенная на каскаде маленьких, но виртуозных ролей, среди которых ни одну язык не повернется назвать второстепенной. Тут и честный вояка (Жан-Пьер Бекер, лейтенант с говорящей фамилией Эсперанс, первым подаривший надежду Матильде), и крестьянин-пацифист (Кловис Корнийяк — находчивый дезертир

Дени Лаван, культовый актер 1980-х, вернулся на экран в «Долгой помолвке» в роли агитатора по прозвищу Си-су

Бенуа Нотр-Дам), и романтическая путанастительница (известная по «Такси» Марион Котийар — корсиканка Тина Ломбарди), и эксцентричный почтальон (Жан-Поль Ру), и гангренозный марксист-агитатор (Дени Лаван — когда-то культовая звезда фильмов Леоса Каракса). Нашлось место для постоянных актеров Жене — кроме прекрасных уродов Доминика Пиньона (дядя Матильды Сильвэн) и Тики Ольгадо (честный-частный детектив Жермен Пир), присутствуют и настоящие звезды, уравненные с остальными в правах: Чеки Карио (героический капитан Фавурье), Андре Дюссолье (рассудительный адвокат Пьер-Мари), Жюли Депардьё и даже Джоди Фостер, великолепно говорящая по-французски и идеально вписавшаяся в ансамбль в роли любящей, но неверной жены. Постепенно от множества историй Жене переходит к одной большой Истории, вручную собирая из мельчайших деталей даже не пазл, а настоящую мозаику.

Как тридцать лет назад группа Genesis распродавала Англию по фунту, так сегодня режиссер Жене скупает и собирает Францию по франку (прагматичная валюта евро как-то не вяжется с кустарными методами искусника-режиссера). Но в тот момент, когда вертолет взмывает слишком высоко, а объемная картина, поменяв масштаб, рискует превратиться в качественную карту местности, наносятся те, кто заставляет Жене спуститься с не свойственных ему высот обратно, к обыденным человеческим судьбам. Имеются в виду и каждый из актеров, и внимательный к любой детали оператор-виртуоз Бруно Дельбоннель, и замечательный композитор Анджело Бадаламенти — он в отличие от массовика-затейника Яна Тирсена умеет создать эмоцию буквально на трех нотах. Кино получается французское во всех смыслах. У этой нации даже Великая Революция — непременно буржуазная, и из любви народной трагедии французы выпекут свою «Пышку». Интимный и нахально-личностный подход к событиям международного масштаба, к примеру к мировой войне, свойственен Жене, и это отличает его в выгодную сторону хоть от Стивена Спилберга, хоть от Элема Климова.

Жан-Пьер Жене облапошил целый мир: воспользовавшись американскими (по преимуществу) деньгами, снял фильм на французском языке, с французскими (не считая Фостер) актерами — фильм о Франции по мотивам не слишком конвертируемого французского писателя. Логично спросить: на кой черт, например, нам — отнюдь не французам — все это смотреть, да еще и восторгаться? Во-первых, это идеальный пример для подражания, к повторению которого следовало бы стремиться каждому кинематографу в мире. Во-вторых, в популярной форме Жене, подобно тому же Жапризо, с кажущимся легкомыслием затрагивает темы и вопросы, заставляющие даже самого равнодушного зрителя «говорить сердцем». Как заметил еще Достоевский в знаменитой «Пушкинской речи», лишь подлинно национальный художник способен говорить об общечеловеческом. Разумеется, при условии таланта — которого Жене хватает с избытком.